

— Это тебе, — Янь Хан достал из кошелька карту. — Годовой абонемент в тот боксерский зал, можешь ходить, когда захочешь.

Чу И не шелохнулся.

— Мы обычно долго на одном месте не задерживаемся, так что папа, скорее всего, оформил его именно для тебя, — добавил Янь Хан. — Мне он ни к чему.

Чу И взял карту и так крепко сжал её в пальцах, что почувствовал, как рука предательски дрожит. Простояв так довольно долго, он спрятал карту в карман и тихо спросил:

— Ты... ты правда собрался уезжать?

Янь Хан промолчал. Чу И украдкой взглянул на его щиколотку: черный камешек всё ещё был там. Это чувство было странным: то ли облегчение, то ли бескрайняя тоска.

— И надо же, такой мелкий, а столько мыслей в голове, — Янь Хан легонько хлопнул его по щеке. — Наверное, потому и не растешь, что всё время о чем-то думаешь.

— Я планирую во вто... во второй половине года, ну, скакнуть в росте, — ответил Чу И.

— У тебя что, рост по графику идет? — усмехнулся Янь Хан.

— Ага, — кивнул Чу И. — Накоплю силы и как прыгну... сразу до двух метров.

— Буду ждать, — ответил Янь Хан.

Чу И сам не понимал, что с ним — от этой фразы у него внезапно защемило в носу. То ли от мысли, что «буду ждать» сулит какую-то связь в будущем, то ли от того, что в этих словах слышалось холодное «если вдруг однажды...».

— Возвращайся домой, — сказал Янь Хан. — И выпишись как следует.

— Угу, — отозвался Чу И. — А ты?

— И я посплю. Я принял таблетки как раз перед тем, как ты появился сюда, так что сейчас клонит в сон, — ответил Янь Хан.

— Хорошо, тогда... спокойной ночи, — Чу И поднялся.

— Понял, — Янь Хан тоже встал и взъерошил ему волосы. — Не говорил же, что пойдешь стричься? Чего опять на голове воронье гнездо?

— Забыл, — улыбнулся Чу И. — Чере... через пару дней схожу.

— Только не стриги слишком коротко, замучаешься потом ровнять, — сказал Янь Хан.

— Ладно. — Чу И почесал затылок.

Янь Хан стоял за шторой и смотрел, как Чу И медленно бредет в сторону дома, а потом выключил свет и вернулся на диван. Последние дни он постоянно сидел здесь, не зная, о чем думать и что делать дальше. Раньше, когда он чего-то ждал, в тревоге теплилась надежда.

Теперь же в этой тревоге не было ничего, кроме сплошной неопределенности.

И паники.

Он солгал Чу И: никаких таблеток он не пил и спать совсем не хотел. Стоило закрыть глаза, как перед ним тут же возникали кровавые пятна. Камеры в том районе работали плохо: все трое вошли в переулок, обратно той же дорогой вышел только отец Чу И. В сторону реки камеры следили, но запечатлели только погибшего.

Куда делся папа? Столько крови... там точно кто-то погиб. Должен был погибнуть.

Янь Хан крепко сжал кулаки, спрятав пальцы в ладони, пытаясь хоть немного согреться. Уже июль, а холод такой, будто зима. Эта ночь, как и предыдущие, прошла на диване. Единственным отличием было то, что в воздухе всё ещё витал едва уловимый аромат риса быстрого приготовления — маленькая частица реальности. И весь дом казался живым только из-за того, что здесь побывал Чу И.

Когда начало светать, он выдохнул с облегчением. Сам не зная почему, он чувствовал, что только с появлением света за окном к нему возвращается способность дышать. Солнечные лучи, просачивающиеся сквозь щель в занавесках, давали ощущение хода времени. Он неотрывно смотрел на тонкую полоску света, бессмысленно пытаясь угадать точное время.

Около восьми двадцати.

За дверью слышались легкие шаги. Не папа. Походку отца он знал слишком хорошо и был уверен, что тот не мог появиться в такое время. И не Чу И — тот всегда замирал у двери перед тем, как постучать. Тем более не полиция — они не ходят по одному.

Янь Хан встал, молнией метнулся на кухню, схватил нож и, прижавшись к косяку, уставился на входную дверь. Шаги дошли до порога и стихли. Раздался стук.

Постучали?

Янь Хан решил, что, пожалуй, перенервничал. Может, это арендодатель, сборщик мусора или кто-то из домкома...

— Кто? — спросил он, не сдвинувшись с места.

— Янь Хан здесь? — донесся мужской голос.

— Я спросил, кто вы, — повторил Янь Хан.

— Друг твоего отца, — ответил мужчина.

Янь Хан промолчал. Отец никогда не говорил, что у него есть друзья. Он бросил взгляд на кухонное окно — в защитной решетке была маленькая дверца, которую хозяин квартиры оставил на случай пожара, а ключ лежал прямо в шкафчике для посуды.

— А бдительность у тебя что надо... — мужчина за дверью вздохнул. — Янь Цзидао, твой отец просил меня тебя найти.

Янь Хан замер.

— Взгляни на это, — снова сказал мужчина.

Сквозь щель под дверью просунули какой-то предмет. Янь Хан узнал его, едва показался уголок. Это был конверт отца.

Он, не раздумывая, бросился к двери и поднял его. Тот самый проклятый конверт, который всегда вызывал у него тревогу: он до смерти хотел узнать, что внутри, но боялся открыть, и в то же время ежесекундно мечтал найти его содержимое.

Он вскрыл конверт и увидел тонкий листок бумаги. Впрочем, как всегда — каждый раз, когда он брал его в руки, казалось, что внутри от силы одна страница. Вытащив бумагу, он почувствовал, как сердце забилось так сильно, что его едва не шатало. Столько лет прошло, и наконец-то он узнает, что там.

Чувства невозможно было описать. Волнение, ожидание, тревога и страх росли в нем, словно на дрожжах. Он глубоко вдохнул, медленно выдохнул и развернул лист.

Это был даже не лист из блокнота — просто какой-то огрызок бумаги, оторванный наспех, с рваными краями, совсем в духе отца. На нем была всего одна фраза:

— Дорогой наследник, этому человеку можно верить.

Что за черт? Янь Хан уставился на строчку. Всего двенадцать иероглифов, если считать обращение. Ни подписи, ни знаков препинания — их он сам мысленно расставил при чтении. И вот это — то самое письмо, содержимое которого он ждал столько лет?

— Я ничего не трогал внутри, — слышался голос за дверью. — Я и сам не знаю, что там, он сказал: «прочтешь — поймешь».

Янь Хан не мог быть уверен, заглядывал ли мужчина внутрь, но он точно знал: конверт не вскрывали. Этот безумный, фамильярный тон. Этот такой же безумный, теплый стиль изложения. Это короткое, странное сообщение. Чистый стиль его безумного папаши. Да и сам почерк, словно тщательно выведенный, был ему прекрасно знаком.

— Ну ты даешь, — Янь Хан невольно рассмеялся, глядя на строчку. — Ну ты и жук, Старик Янь.

Повертев бумажку в руках еще немного, он тяжело вздохнул. Конверт был старым, а бумага — совсем свежей, чернила едва просохли. Стало ясно: конверт, содержание которого его так мучило, на самом деле никогда не хранил ничего постоянного. Отец, скорее всего, каждый раз вкладывал туда что-то новое, исходя из обстоятельств.

Он спрятал записку и открыл дверь. На пороге стоял мужчина, на вид ровесник отца, но стоило взглянуть на него, как сразу становилось понятно: они совершенно разные. От отца веяло разудалой вольной жизнью, а на лице этого человека, казалось, было написано «я добропорядочный гражданин». Ну никак нельзя было представить, что такой тип назовет себя другом отца.

— Моя фамилия Цуй, — сказал он, входя в комнату и хмуро оглядываясь. — Зови меня Старик Цуй.

— Полное имя? — настаивал Янь Хан.

— Цуй Шиюань, — ответил тот.

Янь Хан в упор уставился на него. Мужчина по-прежнему сохранял серьезное выражение лица,

и в этот момент Янь Хан поверил, что тот и правда был знаком с отцом.

— У тебя есть новости о папе? — Янь Хан налил ему воды.

— Нет, — ответил Старик Цуй. — Он прислал мне этот конверт курьерской службой. Внутри были адрес, дата, когда нужно приехать, и карта.

— Зачем приехал? — спросил Янь Хан.

— Передать деньги и забрать тебя отсюда, — ответил Старик Цуй.

Янь Хан посмотрел на него.

— Он звонил мне месяца два назад, — Старик Цуй отпил воды. — Больше ничего не сказал, только что хочет, чтобы ты жил нормальной жизнью.

Янь Хан промолчал, а спустя мгновение тихо спросил:

— Ты знаешь, что с ним что-то случилось?

— Догадывался, — ответил Старик Цуй. — Если бы всё было хорошо, он бы меня не беспокоил.

<http://bllate.org/book/18095/1747652>